

НЕООРТОДОКСИЯ Р. НИБУРА ПРОТИВ СОЦИАЛЬНОГО ЕВАНГЕЛИЗМА У. РАУШЕНБУША

Аннотация. В статье приводится критический анализ концепции основоположника социального евангелизма – Уолтера Раушенбуша, осуществленный американским протестантским теологом Р. Нибуром. По мнению Нибура, все коллизии общественно-политической жизни порождены парадоксальной природой человека, которая одновременно есть и подобие Бога, и греховное создание, восстающее против Бога. Поэтому неоортодоксия или христианский реализм Нибура как раз и возник в результате поиска ответов на социально-этическую проблему, порожденную разрывом между конфликтами греховной власти с Божьим законом любви. Нибур с самого начала своего творческого пути противостоял любой попытке социальных евангелистов и других либеральных богословов смягчить этот конфликт или вовсе его игнорировать.

Ключевые слова: протестантская неоортодоксия, христианский реализм, пацифизм, социальный евангелизм, трансцендентный Бог.

Райнхольд (в других русскоязычных источниках – Рейнхольд, Рейнгольд, Райнольд) Нибур (1893–1971 гг.) являлся одним из основателей таких течений как «протестантская неоортодоксия», «христианский реализм», «политический реализм». По мнению известного исследователя протестантизма Л. Н. Митрохина, в культурной истории Соединенных Штатов принято считать, что «два американца достигли высочайшего интеллектуального уровня, соответствующего взыскательным европейским канонам – это философ и педагог Джон Дьюи и теолог, политический философ Рейнхольд Нибур» [5, с. 291–292].

Пасторское служение Нибура началось как раз в то время, когда в Европе разразилась Первая мировая война. Несмотря на попытки многих американцев рассматривать этот конфликт как некое далекое событие, не имеющее к ним отношения, война затронула многие американские интересы, и в 1917 г. Соединенные Штаты объявили Германии войну. Нибур незамедлительно попал под мобилизацию и стал представителем Евангелического Синода в министерстве. Он проводил многочисленные христианские обряды перед молодыми людьми, набранными на военную службу, став при этом голосом американского патриотизма в ее церквях.

Невероятная жестокость и невиданные доселе разрушительные последствия Первой мировой войны подорвали уверенность в идеал социального прогресса. И самым худшим здесь стало то, что церковные лидеры соперничающих наций часто сами шли на поводу у национально-патриотической ярости. Христианская Вера, которая претендовала раньше на место духовного манифеста прогресса, оказалась теперь не более эффективной, чем ее отдельные составные части, в плане сопротивления силам хаоса.

В результате наступившего вследствие этого разочарования, патриотические ценности были отвергнуты многими людьми, и множество молодых пасторов и теологов встали на путь пацифизма. Нибур также раскаялся в своем чрезмерном патриотическом энтузиазме военного времени и сам посчитал необходимым вступить в ряды пацифистов. Кроме того, он даже несколько лет председательствовал в специализированном пацифистском сообществе «Товариществе Примирения». По мнению Д. В. Пивоварова, «Нибур никогда не считал себя фанатичным пацифистом, но его пассионарное миролюбие было вполне искренним. Пацифизм Нибура – следствие отращения этого мыслителя к Первой мировой войне. В его пацифизме реализовалась также мысль о том, что сущность Евангелия в жертвенной любви, а идеал такой любви – Иисус Христос, непротивляющийся насилию» [1, с. 9].

4 января 1939 г. состоялся Конгресс Американской лиги за мир и демократию, на котором выступил президент Франклин Д. Рузвельт. Нибур был выбран в высшие органы и руководство данной лиги. Главным итогом Конгресса была разработка идеологии действенного противостояния блоку фашистских государств. Нибур активно выступал в поддержку военных действий против фашистских режимов, за что был объявлен отступником от идеалов христианского пацифизма и вынужден был уйти в отставку из совета Братства примирения. Таким образом, в ходе Второй мировой войны Нибур окончательно порывает с принципами пацифизма во имя решительного отпора агрессорам, но, в тоже время, он считал американскую военную программу проявлением неоправданного милитаризма.

С середины XX в. Нибур выказывал поддержку стратегии «холодной войны», оправдывал применение ядерного оружия для сдерживания СССР, высказывался за смертную казнь людей, чья вина не была однозначно доказана. Позднее радикализм своих установок он существенно смягчил в пользу принципа сосуществования.

Разрабатываемая Нибуром доктрина неоортодоксии представляет собой попытку реанимировать аутентичный дух христианского вероучения в эпоху, когда обнаруживается: во-первых, кризис ренессансных и просветительских социальных идеалов; во-вторых, разнообразие как светских, так и либерально-религиозных теорий, в рамках которых утверждается, что найден эффективный метод построения идеального и совершенного человеческого общества.

В советское время при общем негативном отношении к религии, в адрес протестантской неоортодоксии высказывались иногда и положительные слова. Утверждалось, что «...протестантская неоортодоксия резко критикует порочность, аморальность современного буржуазного общества, лицемерие официальной идеологии и демагогический характер программ буржуазных партий, активно участвует в борьбе за мир» [2, с. 50–51].

Неоортодоксия Нибура была своего рода контроверзой доктрины социального евангелизма, возникшей в конце XIX в. в США. Основателем данной доктрины был Уолтер Раушенбуш (1861–1918 гг.) – видный американский протестантский теолог, представитель либерального христианства.

Социальный евангелизм обратил внимание на проблемы преступности и бедности в растущих индустриальных городах, на волнения рабочих, в прошлом недавних эмигрантов, которые трудились на фабриках, жили в трущобах и часто имели ограниченный доступ к бесплатному образованию и праву посещать протестантские церкви, приходы которых были сформированы предыдущими поколениями американцев. Христианская вера нуждалась в большей заинтересованности их социальным обеспечением, и если процветающие и обладающие властью христиане, которые контролировали города и заводы, могли спокойно жить, проповедуя свою веру, то беднейшие должны были иметь возможность для преодоления своей нищеты без прибегания к насилию или волнениям.

Согласно Раушенбушу, наступил «Великий день Христа», когда человек обрел способности самостоятельно построить Царство Божье на земле, установив евангельские нормы морали в качестве детерминант всех социальных отношений. С этой целью церковь должна добиться «перенесения гармонии с небес на землю», что необходимо приведет к искоренению социального зла, страданий людей и эксплуатации.

Социальные евангелисты были уверены, что сочетание новой социальной науки и прогрессивного христианства создаст условия для перестройки общественной жизни, не имеющей аналогов в человеческой истории. Раушенбуш эту идею выразил следующим образом: «Если двадцатый век сможет сделать для нас в плане контроля над социальными силами столько же, сколько для нас сделал век девятнадцатый в плане контроля за силами природы, то внуки наши будут жить в обществе, с высоты которого наша сегодняшняя жизнь будет казаться полу-варварской» [4, с. 4].

Достижение поставленной цели возможно потому, что в людях заложен, как полагал Раушенбуш, особый социальный инстинкт, который является фундаментом общественной жизни и этических норм. Данный инстинкт главным образом выражается в стремлении к добру и любви к другим людям. Все это дает христианам способность и возможность собственными усилиями ликвидировать общественные конфликты, устранить несправедливость и стать достойными помощниками Всевышнего в созидании Царства Божьего на земле. По сути дела, Раушенбуш развивает теорию имманентного Бога, и тем самым явно отходит от утвердившейся в ортодоксальном протестантизме идеи трансцендентного Бога, находящегося за пределами человеческой истории.

Соответственно и понятие греха интерпретируется Раушенбушем не как полная утрата свободы воли и склонности к добродетели (как это было у М. Лютера и Ж. Кальвина), но «как духовный и практический эгоизм, себялюбие, игнорирование интересов других людей, т.е. как мирской порок, поддающийся исправлению в результате осознания истинными христианами своего земного призвания и неустанного самосовершенствования» [5, с. 224].

В 1930-х гг. учение Раушенбуша было резко раскритиковано Нибуром. По его мнению, главная неудача социального евангелизма «проистекает от стремления наделить высшей святостью относительные моральные нормы века коммерции, ошибочно окружая их ореолом абсолютной и трансцендентной этики Иисуса» [6, с. 380]. Иными словами, то «Божье Царство», установление которого евангелисты превозносили, на самом деле оказалось обычным мирским обществом, с господствующими мещанскими ценностями. Для Нибура современное общество вовсе не реализует евангельские нормы и идеалы. «Современное общество вовлечено в процесс разногласия и упадка, который угрожает всему миру бедствием, и, кажется, развивается по определенного рода неумолимой собственной логике, разрушающей все человеческие усилия задержать упадок» [1, р. 67].

В противовес учению Раушенбуша о потенциальном «соучастии» человека с Творцом в деле построения совершенного общества, Нибур формулирует теорию трансцендентного Бога, хотя и вовлеченного в историческую динамику, но в тоже время не тождественного ей. По мнению Нибура, слабость ортодоксального христианства как раз и «заключена в его преждевременном отождествлении трансцендентной воли Божией с каноническими моральными кодексами, многие из которых есть всего лишь простейшие нормы социального поведения, а также – в придании своим мифам характера сомнительной научности. Извечная тенденция религии отождествлять Бога с историческими символами Бога, символами, когда-то исполненными святости, смытой впоследствии потоком новых событий и обстоятельств, остается постоянным источником безнравственности в религии...

Религия, капитулирующая перед предрассудками нашего века, не намного превосходит религию, остающуюся в рабстве у частных и относительных истин века давно ушедшего. В обоих случаях религия

терпит неудачу, поскольку она слишком рано снимает нравственную напряженность, обнаруживая *summum bonum* – или заявляя о том, что она ее осуществила – в какой-либо конкретной и относительной исторической ценности.

Вся современная секулярная либеральная культура, к которой слишком привязана либеральная церковь, есть, по существу, лишенная жизни и обезбоженная религия, где постулаты христианской традиции объясняются природными и историческими процессами, якобы обнаруженными объективной наукой. Этим уничтожается изначальная напряженность христианской морали, поскольку трансцендентные идеалы христианской морали превращаются в имманентные возможности хода истории» [6, с. 380].

Нибур, хотя и утверждал, что последователи Социального Евангелия заблуждались, полагая, что люди могут достигнуть совершенства, просто следуя по пути прогресса, движущегося всегда в одном направлении, но они были правы по части человеческих стремлений и зачастую они были правы по поводу тех мер, которые должны были бы быть предприняты в то время. Отмена рабства, расширение прав к голосованию, организация профсоюзов, открытие доступа в американские города и фабрики для афроамериканцев – это то, что необходимо было сделать. Христиане могли признавать, что грех и личный интерес заслоняют требования любви, но существовало множество примеров, делающих требования справедливости достаточно очевидными. Так многие дети не получали в полном объеме образование и медицинскую помощь, а рабочие не могли себе позволить приобретать достаточное количество товаров. Поэтому необходимо предпринять усилия для установления равных прав и возможностей, предполагающих равный уровень достоинства всех людей. Было бы сущей бессмыслицей для Церкви, как полагал Нибур, настаивать, что напрасно что-либо менять в общественно-политической и экономической сферах, так как все мы одинаково греховны и все наши действия в глазах Бога одинаково несовершенны.

Библиографический список:

1. Митрохин Л. Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). СПб. : РХГИ. 1997. 480 с.
2. Нибур Р. Опыт интерпретации христианской этики // Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. М. : Юрист. 1996. 575 с.
3. Пивоваров Д. В. Р. Нибур о христианском пацифизме // Образ философа в рефлексиях учеников: Сб. науч. статей, посвященных 60-летию Заслуженного Деятели науки РФ, д-ра филос. наук, проф. Д.В. Пивоварова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2003. С. 9–13.
4. Рубенис А. А. Критика основных принципов протестантской неоортодоксии. М. : Знание. 1983. 64 с.
5. Niebuhr R. The Nature and Destiny of Man: A Christian Interpretation. New York : Charles Scribner's Sons. 1953. 344 p.
6. Rauschenbusch W. Christianity and the Social Crisis. New York : Macmillan. 1917. 429 p.

Сизикова О. А.

НЕСОВПАДЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТУРГЕНЕВА «ЖИВЫЕ МОЩИ» И КЬЕРКЕГОРА «СТРАХ И ТРЕПЕТ»

Аннотация. В статье рассматривается человеческое бытие в разрезе трех стадий существования по классификации Кьеркегора на примере абстрактных субъектов и героев произведений С. Кьеркегора и И. С. Тургенева.

Ключевые слова: эстетическое существование, этическое существование, религиозное существование, экзистенция, иррациональный скачок, трансценденция.

Согласно концепции С. Кьеркегора, современное общество в большинстве своем пребывает на этапе эстетического существования, основополагающим принципом которого является наслаждение. Свобода и ответственность, как основные понятия экзистенциализма в концепции Кьеркегора, на этом этапе не представлены, поскольку индивид не является свободным внутренне. Для получения удовольствий и наслаждений необходимо совершать большое количество мнимых выборов, отчего у человека складывается иллюзорное представление самостоятельного осуществления выбора, когда за него этот выбор сделали другие в лице пропаганды СМИ, рекламы и прочее.

Эстетическое существование человека требует огромного числа внешних объектов-раздражителей, приносящих лишь временное удовлетворение. Каждый день жизни преследует присутствие праздника или его элемента, свидетельствующие, что еще один день прожит не зря, насыщенно, ярко. Это может быть вкусная праздничная еда, доступная нам повсеместно, определенный ритуал, покупка приятной мелочи, поход в кино, театр, спортивный зал. Все эти кусочки личной жизни «пиарятся» в соц. сетях, обсуждаются. Так у субъекта складывается впечатление полноценного проживания собственной жизни – жизни потребителя.